

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.7>

Круглова Мария Семеновна

**"СПОР О РИТУАЛАХ" КАК ПРИМЕР КУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА ВОСТОКА И ЗАПАДА**

Статья посвящена так называемому "спору о ритуалах" - продолжительному дипломатическому, теологическому и доктринальному конфликту между императорским Китаем и Ватиканом. Автором предпринята попытка подойти к рассмотрению истории конфликта в исторической перспективе: ведь схожий конфликт в китайско-ватиканских взаимоотношениях можно наблюдать и ныне. Отмечается, что, хотя "спор о ритуалах" спустя столетия непрерывных скандалов нашел свое мирное разрешение, корень конфликта не изжит до сих пор, а природа его - в несовместимости ряда культурных парадигм, свойственных как китайской цивилизации, так и западному христианству.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/9/2018/5/7.html](http://www.gramota.net/materials/9/2018/5/7.html)

Источник

**Манускрипт**

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(91) С. 34-38. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/9.html](http://www.gramota.net/editions/9.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/9/2018/5/](http://www.gramota.net/materials/9/2018/5/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

**LYUBOMUDRY AND DECEMBRISTS: COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIAL AND EVERYDAY BEHAVIOUR**

**Konstantinova Lyudmila Vladimirovna**, Ph. D. in History  
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University  
lyciconstant@mail.ru

The article provides the comparative analysis of Lyubomudry's and Decembrists' social and everyday behaviour. The analysis helped to discover similarities and differences in Lyubomudry's and Decembrists' social and everyday behaviour, which were caused by the influence of Enlightenment ideology and romanticism. The author identifies Lyubomudry's typical features, peculiarities of their social image and behaviour in the 1820s – at the beginning of the 1830s, discovers the origins of Lyubomudry's oppositionism in the mentioned period. The study contributes to more detailed understanding of specific development of the Russian social thought of the 1820-1830s.

*Key words and phrases:* everyday “carbonarism”; Decembrists; Lyubomudry; romanticism; enlightenment; social and everyday behaviour.

УДК 94"16/18"

Дата поступления рукописи: 24.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.7>

*Статья посвящена так называемому «спору о ритуалах» – продолжительному дипломатическому, теологическому и доктринальному конфликту между императорским Китаем и Ватиканом. Автором предпринята попытка подойти к рассмотрению истории конфликта в исторической перспективе: ведь схожий конфликт в китайско-ватиканских взаимоотношениях можно наблюдать и ныне. Отмечается, что, хотя «спор о ритуалах» спустя столетия непрерывных скандалов нашел свое мирное разрешение, корень конфликта не изжит до сих пор, а природа его – в несовместимости ряда культурных парадигм, свойственных как китайской цивилизации, так и западному христианству.*

*Ключевые слова и фразы:* Ватикан; иезуиты; «спор о ритуалах» (“rites controversy”); миссионеры; Китай; конфуцианство.

**Круглова Мария Семеновна**

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва  
mashakruglova999@gmail.com

**«СПОР О РИТУАЛАХ» КАК ПРИМЕР КУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА ВОСТОКА И ЗАПАДА**

Осенью 2016 г. в прессе появились сообщения о том, что в долгой истории конфликта между властями коммунистического Китая и Ватикана по вопросу права назначения глав католических епархий в Китае самим Ватиканом, а не Пекином произошли положительные сдвиги [3]: еще в апреле 2016 г. была создана совместная китайско-ватиканская рабочая группа. Ее цель заключалась в урегулировании взаимоотношений, основным камнем преткновения в которых являлся вопрос о назначении епископов властями Ватикана, что рассматривалось правительством Китая как акт вмешательства во внутренние дела страны. Уже в августе текущего года было объявлено о достигнутых договоренностях. Предыдущий епископ Гонконга кардинал Иоанн Тон Хон в еженедельной епархиальной газете *Kung Kao Po* опубликовал статью, где сообщил, что отныне за основу принятой и Ватиканом, и Пекином процедуры назначения епископов может быть взята «вьетнамская модель», в рамках которой назначение Ватиканом епископов согласовывается с правительством Вьетнама [9].

Вызывающая, несомненно, позитивные эмоции новость вместе с тем позволяет проводить и некоторые исторические параллели. Речь идет о т.н. «споре о ритуалах», явившемся «самым разрушительным спором, который потряс католический мир в Новое время» [2, с. 162]. И дело здесь не в широком конфликтном потенциале нынешних договоренностей, а в механизмах взаимодействия между Китаем и Ватиканом, китайской и европейской – католической – культурами. Дабы продемонстрировать механизмы возникновения поля напряженности во взаимодействии Китая и Ватикана, полного культурологических и теологических, входящих в неизбежный конфликт представлений, мы опишем основные события, положившие начало «спору о ритуалах», с учетом участия в них основных персоналий – представителей Ватикана в Китае, их культурных и идеологических установок, фактически ставших причиной развития конфликта.

Напомним, что в основу «спора о ритуалах» легли дискуссии о том, могут ли китайские неофиты – члены Римско-католической церкви – принимать участие в традиционных для китайской культуры обрядах культа предков и почитания Конфуция. Компромиссную позицию в этом споре занимали миссионеры из числа монахов Общества Иисуса – иезуиты. Они полагали, что между принятием христианства и совершением ряда привычных для китайцев обрядовых практик принципиального противоречия нет. Считая китайские обряды культа предков и почитания Конфуция скорее актами подтверждения гражданской и национальной идентичности, но никак не идентичности религиозной, иезуиты не запрещали своей новообращенной китайской пастве участвовать в обрядах культа предков и почитания Конфуция.

Долгое время подобная позиция не встречала негативной реакции ни со стороны чиновников Ватикана, ни со стороны самого папы. Более того, в 1656 г. папа Александр VII признал практику терпимого отношения

к китайским обычаям, а еще ранее, в 1615 году, указом папы Павла V было разрешено использование китайского языка в литургии [6, с. 54], что в то время было исключительным по значимости шагом [1, с. 21-23]. Признание за неопитами из числа местного китайского населения права на участие в традиционных обрядах косвенно соответствовало в том числе и выпущенным в 1659 г. Конгрегацией пропаганды веры рекомендациям, в которых среди прочего говорилось следующее: «Ни в коем случае не усердствуйте, пытаясь заставить народы изменить их обряды, обычаи и нравы, если они прямо не противоречат религии и морали. Что может быть абсурднее стремления перенести к китайцам Францию, Италию или иную европейскую страну? Утверждайте среди них не наши страны, а веру» [Цит. по: 6, с. 54].

Терпимость иезуитов к местным китайским культам, заложенная в основании иезуитской духовной миссии в Китае ее основателем – Маттео Риччи, безусловно, способствовала успехам их миссионерской деятельности. Иезуиты не только признавали часть китайских ритуалов, но и трансформировали часть католических ритуалов, адаптируя их к местным реалиям [4, с. 183]. Так, например, они не вводили в практику религиозной жизни китайских неопитов посты и воздержание от работы по воскресеньям, считая, что китайский народ и вне периодов постов голодает, запрещать же им работать равносильно лишению их еды [12, р. 272].

Однако не стоит думать, что иезуиты признавали и разрешали все традиционные элементы китайской духовной культуры. Иезуитами запрещалось вознесение молитв и прошений в адрес усопших, запрещалось жертвенное сожжение бумажных денег. Как суеверия критиковали они веру в то, что духи предков «питаются» принесенной им в дар едой. В то же самое время иезуитами дозволялось владение «табличками духа», использование благовоний на похоронах, исполнение поклонов перед табличками определялось ими как знак уважения к памяти усопших. «Все это отвечало магистральному направлению политики Риччи: где ничто ясно не указывало на суеверие, он проявлял терпимость, но в то же время пытался постепенно привести церемонии в соответствие с христианской практикой» [4, с. 183].

Особой деликатности требовал вопрос оценки государственного культа жертвоприношений Небу и Земле, исполняемого самим императором. Признание соответствующей религиозной практики как суеверия с последующим запретом к участию католических неопитов в этих церемониях неминуемо привело бы к конфликту с китайским императорским двором. Это было особенно чревато на фоне соображений о том, что христианское почитание Царя Небесного и без того конфликтовало с многотысячелетней монополией китайской императорской власти на сакральное превосходство.

Как бы то ни было, иезуитским теологам удавалось сглаживать противоречия и реализовывать миссионерские задачи. Однако именно эта позиция поиска духовных и культурных компромиссов стала поводом для начала конфликта, вошедшего в историю как «спор о ритуалах». Часть высокопоставленного католического духовенства в Ватикане и миссионеры из доминиканского и францисканского орденов выступили против иезуитской практики признания части китайских ритуалов. Так было положено начало «спору о ритуалах», длившемуся почти три столетия. Будучи «войной книг» [2, с. 162], то есть конфликтом, лежавшим в сугубо интеллектуальной плоскости, «спор о ритуалах» вместе с тем имел разрушительное влияние на судьбу самого иезуитского ордена, ведь, по мнению многих исследователей, осуждение иезуитской практики, вынесенное в марте 1715 г. папой Климентом XI в булле *Ex illa die*, стало моральным оправданием перед общественностью для папы Климента XIV, распустившего в 1773 г. орден иезуитов [Там же, с. 186].

«Интересно, что описание столь неоднозначного процесса было снова произведено самими же иезуитами», – пишет ведущий отечественный исследователь миссии иезуитов в Китае Динара Дубровская, описывая историографию «спора о ритуалах» [Там же, с. 161]. Тем интересней ввиду этого кажется идея рассмотреть биографии и идеи оппонентов иезуитов, тех, кто и положил начало «спору о ритуалах».

Говоря о первых годах «спора о ритуалах» и событиях, легших в основу «спора...», нельзя не упомянуть имена двух священников: Шарля Мегро (1652-1730) и Меллара де Турнона (1668-1710). Шарль Мегро изучал теологию в Сорбонне, а в 1680 г. поступил на службу в Парижские зарубежные миссии. Уже в 1684 г. он прибыл в Фуцзянь, заняв там пост апостольского викария без епископского сана. В свою очередь, Меллар де Турнон стал первым папским легатом, посланным к китайскому императорскому двору. Сразу после студенческой скамьи Турнон направился в Рим, где обратил на себя внимание папы Климента XI и уже в возрасте 31 года, в 1701 г., был назначен патриархом антиохийским и папским легатом в Китае.

В 1693 г. Шарль Мегро, будучи апостольским викарием в приморской части Китая, осудил учение Маттео Риччи о допустимости участия христианских неопитов в традиционных китайских ритуалах. Осуждению подвергалась не только идея о признании части китайских ритуалов не суевериями, а традиционными для китайского общества актами подтверждения гражданской и национальной принадлежности, но также и использование китайских терминов и понятий о Боге и божественном при переводе католических вероучительных и богослужебных текстов.

Своим поступком Мегро поставил под удар будущее всей католической миссии в Китае, испортив отношения с императором Канси. Осуждение со стороны Мегро резко противоречило неоднократно высказываемому мнению самого Канси об отсутствии противоречий между китайскими традиционными ритуалами и католической доктриной. Учитывая, что традиционно для китайцев монополия на истинность суждений всегда оставалась за императором, кем бы он ни был, Мегро, вступив в заочный спор с императором, поступил крайне неосторожно. Кроме того, осуждение ритуалов со стороны Мегро вышло на следующий год после указа императора Канси, которым гарантировались неприкосновенность церковных построек и свобода богослужений. В указе 1692 г. Канси подчеркивал достижения миссионеров в сугубо научных областях: астрономии и артиллерии, а также в дипломатии, указывалось на отсутствие у христианской религии и ее миссионеров бунтарских устремлений. Можно считать, что подобное терпимое отношение к христианству

со стороны императорской власти было заслугой иезуитов, трудившихся не только на ниве проповеди, но и работавших при китайском императорском дворе.

Любопытен разговор, состоявшийся 2 августа 1706 г., между императором Канси и Шарлем Мегро во время особой аудиенции, куда Мегро был приглашен в качестве советника папского легата де Турнона.

**КАНСИ:** Де Турнон мне сказал, что ты знаешь наши тексты. Читал “Четыре книги” Конфуция?

**МЕГРО:** Да, я их читал...

**КАНСИ:** Помнишь то, что прочитал?

**МЕГРО:** Нет... (Мегро не понимает императора и приглашает переводчика).

**КАНСИ:** Помнишь хотя бы пару выражений из “Четырех книг”?

*(Мегро не может ответить)*

**КАНСИ:** Можешь прочесть четыре иероглифа, написанные надо мной на троне?» [10, р. 165-166].

*«(Мегро не может прочесть. Император упрекает его за то, что он не умеет различать классические тексты и комментарии к ним, а также за то, что он приказал убрать иероглифы «почитай небо».)*

**КАНСИ:** Что ты имеешь против иероглифов “Почитай небо”?

**МЕГРО:** “Небо” не означает “Небесный господин”.

**КАНСИ:** Ты меня удивляешь. Все знают, что “Небо” означает “Небесный господин десяти тысяч вещей”. Скажи мне, почему люди меня называют “Десять тысяч лет”?

**МЕГРО:** Чтобы пожелать Вашему Величеству долгих лет жизни.

**КАНСИ:** Итак, запомни: истинное значение иероглифа не всегда в его буквальном значении» [11, р. 7].

Трудно судить, был ли этот диалог таким, каким его записали историографы. Но даже если часть написанного – правда, то он как нельзя точно характеризует степень осведомленности Мегро в вопросах китайских культурных и религиозных реалий.

В ответ на деятельность Мегро иезуиты обратились к Канси, запросив у него разъяснения по трактовке ритуалов. Иезуиты утверждали, что, согласно их пониманию, поклоны перед изображениями Конфуция являются собой знак уважения к Учителю и не являются молитвой с прошением о снискании даров. Также и традиция почитания памяти усопших предков трактовалась иезуитами с позиций выражения любви к усопшим, а элементы прощения и поиска заступничества со стороны духов покойных исключались. Канси ответил следующими словами: «Написанное очень хорошо гармонирует с Великим Путем. Почитать Небеса, служить правителю и родителям, уважать учителей и старших – это закон века людей в империи» [13, р. 41-42].

Однако полученное иезуитами от Канси разъяснение лишь способствовало эскалации конфликта: Канси посчитал, что Католическая церковь пытается влиять на социально-политический климат в империи, в Ватикане же решили, что китайский император вмешивается в церковные дела. В действиях иезуитов была своя внутренняя логика: коль скоро китайские ритуалы считались иезуитами сугубо светскими актами, то и их трактовка должна была быть прерогативой светской власти. Но в Ватикане считали иначе, и уже в 1704 г. был выпущен декрет Конгрегации пропаганды веры “Cum Deus optimus”, в котором выражалась поддержка позиции Мегро. Обязанность же объявления текста декрета китайскому обществу и иезуитским миссионерам была возложена на Меллара де Турнона.

Свою поездку в Китай де Турнон начал еще в начале 1703 г., когда официальная точка зрения Конгрегации пропаганды веры по поводу китайских ритуалов еще не была объявлена. Интересно, что на пути в Китай, проезжая город Пондишери, входивший во французские владения в Индии, де Турнон осудил «Малабарские обряды» и практику адаптации христианства к местным культурным реалиям. Прибыв в Китай, молодой и неопытный, к тому же тяжело заболевший де Турнон оказался в сложном положении, будучи обязанным объявить решение, которое в Китае мало кому могло понравиться.

«Сам де Турнон был одним из худших послов, каких когда-либо посылали в Китай. Он продемонстрировал неоправданную нетерпимость к тем мнениям, которых придерживались священники в Китае, достаточно неучтиво вел себя с Канси, который был терпелив с ним, абсолютно по-детски рвал присылавшиеся ему декреты, касавшиеся серьезных вопросов, ударялся в истерики» [2, с. 167], – так описывает миссию де Турнона Динара Дубровская, но, впрочем, отмечает, что провал миссии де Турнона зависел не только от личных качеств самого папского легата. Его миссия была лишь частью неудачной политики Ватикана в отношении Китая: «Турнон прибыл к Канси, нагруженный папскими дарами и с папскими буллами, которые были настолько же неприемлемы для китайского императора, насколько хороши были дары. Его миссия явилась результатом недопонимания в Европе (частично вследствие плохой связи между Китаем и Европой) той ситуации, которая сложилась с распространением христианства в Срединной империи» [Там же]. К схожим выводам приходят и другие авторы, отмечая, что «за тысячи километров от Китая в Риме решали вопросы о смысле понятия Шанди и ритуалов поклонения Конфуцию» [4, с. 205], при том что «расстояние между Римом и миссиями исчислялось не только в морских милях, но и в радикальных различиях в культурном наследии и фоне. Главным камнем преткновения стала концентрация принятия всех решений в Риме» [14, р. 221].

Уже цитировавшийся нами выше разговор между Канси и Мегро – красноречивое свидетельство несомненного дипломатического провала. Из приведенных цитат видно, что Мегро был недостаточно точно осведомлен в вопросах китайских религиозных, социальных и культурных практик. Но сложность состояла не только в степени компетентности Мегро – на него в этом разговоре были возложены преимущественно переводческие функции. Будучи начальником, свой негативный вклад внес в ход разговора де Турнон: он запретил Мегро обсуждать вопросы религии с императором, поставив того перед необходимостью давать уклончивые ответы на вопросы Канси. Однако сам де Турнон успел во время разговора упрекнуть Канси и все китайское общество в атеизме, в ответ на что Канси заметил, что, не зная канонов, не стоит давать оценки китайской культуре,

и объявил де Турнону ультиматум, заявив, что, если не удастся найти точки соприкосновения между христианством и конфуцианством, европейским миссионерам будет запрещено пребывание на территории Китая.

В результате переговоров Канси, возмущенный непримиримостью де Турнона, в декабре 1706 г. выслал Мегро из страны. Под угрозу попали и все местные христиане: за связь с Мегро они могли быть наказаны. Желавшие остаться в стране миссионеры должны были получить специальное на то разрешение, согласившись соблюдать оставленные Маттео Риччи правила.

В ответ на это 7 февраля 1707 г. де Турнон выпустил «Нанкинский указ», которым ужесточались предписания «*Cum Deus optimus*»: под страхом отлучения от Церкви запрещалась свобода интерпретаций установленных норм. Часть работавших в Китае миссионеров направила в Рим апелляцию, утверждая, что своим указом де Турнон ставит под угрозу будущее католической духовной миссии в Китае [11, р. 15]. Однако Ватикан в этом споре был на стороне де Турнона и присвоил ему в 1707 г. сан кардинала. Сам же де Турнон, пользуясь тем, что отныне миссионеры для продолжения своей работы в Китае должны были получать разрешение, сформировал норму, согласно которой требовалось отвечать на вопросы при обращении за получением разрешения. Теперь миссионеры должны были признавать только те обычаи и церемонии, что соответствуют христианской догматике, принимали на себя обязательство отказа от участия в церемониях приношения жертв Конфуцию и предкам, также от миссионеров требовалось осуждение использования «табличек духа» для усопших предков. Обосновывать позицию следовало ссылками на решения Святого престола, а также на распоряжение патриарха антиохийского, коим являлся сам де Турнон, «несущий в себе оракула суверенного понтифика» [14, р. 55]. Представители Парижских зарубежных миссий отказались получить разрешения, августинцы и иезуиты согласились.

В 1710 г. де Турнон скончался<sup>1</sup>. Своей деятельностью он успел нанести удар по будущему католической миссии, поставив миссионеров перед выбором: либо получать разрешение от Ватикана, либо же – обращаться за разрешением к Канси. Ватикан остался на прежних позициях, и уже в 1710 г. вышел папский декрет, запрещающий любые публикации на тему китайских ритуалов без соответствующего разрешения со стороны Ватикана.

Выше мы описали события, послужившие началом «спору о ритуалах», выделив две исторические персоналии, чья деятельность сделала возможным стремительное развитие конфликта. Уникальность «спора» заключается не только в том, что он вылился в многовековое противостояние, но также и в сложных политических очертаниях самого конфликта: «спор» был не просто конфликтом между Востоком и Западом, Ватиканом и Китаем, но также и между работавшими на местах миссионерами – иезуитами, прежде всего, с одной стороны, и ватиканской курией и Конгрегацией пропаганды веры – с другой.

Формальным окончанием «спора о ритуалах» считается решение папы Пия XII от 1939 г. о смягчении позиций в отношении права участия китайских христиан в традиционных китайских церемониях [8, р. 78]. Однако если подходить к вопросу «спора о ритуалах» как к одному из эпизодов в продолжающейся истории взаимоотношений между Китаем и Ватиканом, покажется очевидным, что «спор», вернее те взаимоотношения, речащие культурные парадигмы, что лежат в основе китайской культуры и культуры христианской, культуры католической, актуальны и поныне, а длящийся не одно десятилетие конфликт вокруг права назначения епископов – еще одно тому подтверждение.

Ирония ли это исторической судьбы, но движущей силой на пути к разрешению нынешнего конфликта, как и много веков назад, становится член Общества Иисуса – папа Франциск. В задачи представленной статьи не входит изучение духовности иезуитского ордена, но мы можем, по крайней мере, пунктирными линиями очертить те фундаментальные противоречия между христианством и китайской культурой, что стали причиной конфликта в эпоху «спора о ритуалах» и становятся препятствием для спокойных взаимоотношений в наши дни. В работах многих китайистов хорошо описана та неразрывная связь между светскими полномочиями китайского императора и его религиозной властью, вернее определенной закрепленной за императором монополией на истинность суждений, характерная для традиционного китайского общества. Вероятно, что нынешнее коммунистическое руководство Китая невольно заимствует эту модель, предоставляя китайскому народу широкие рыночные свободы, сохраняя монополию на власть и на доминирующую идеологию, оставляемую за коммунистической партией. Но вместе с тем китайской культуре свойственно компромиссное отношение к вопросам истинности, в том числе и истинности религиозной. И именно этим объясняется изначально терпимое и, более того, доброжелательное отношение императора Канси к христианской проповеди: не видя угрозы своей власти, он охотно допускал христианских миссионеров на свою территорию.

<sup>1</sup> Ирония истории заключается в том, что причина смерти де Турнона сама по себе является одним из многих пунктов «спора» между иезуитами и Святым престолом. Но освещение событий «спора о ритуалах» неоднозначно. До сегодняшнего дня мы знали об этом событии в основном из иезуитских источников. Однако вся европейская историография практически всегда упускала из вида самого важного участника «спора» – Маттео Рипу – итальянского священника, который был отправлен в Китай папой римским Клементом XI с целью отвезти де Турнону кардинальскую шапочку. По возвращении из Китая Рипа написал мемуары, где описал события «спора», свидетелем которых он явился. На тот момент Рипа был очень авторитетной фигурой в церковных кругах, и поскольку он занимал проватиканскую позицию в «споре», выход его текста был невыгоден иезуитам. После смерти Рипы мемуары исчезли. И были восстановлены лишь недавно профессором Университета в Неаполе Микеле Фатикой. Благодаря восстановленным мемуарам Рипы мы получили возможность увидеть разные взгляды и мнения об одном и том же событии. Одним из таких событий как раз явилась смерть де Турнона. Во иезуитском источнике мы читаем: «...он был отравлен его врагами», Рипа однако с уверенностью пишет: «...отравлен иезуитами» [15, р. 3]. Из этого следует, все стороны «спора» пытались описать и оставить в истории выгодную для себя картину событий, что в итоге породило множество исторических и исследовательских ошибок.

В свою очередь, в мировоззрении христианства корень проблемы лежит гораздо глубже. Формально не претендуя на земную власть, христианство между тем перманентно входит в конфликт с земными властями. Достаточно вспомнить историю гонений на христиан в Римской империи. «Для античного человека такое требование (участия в государственном культе Римской империи. – М. К.) было самоочевидным. Для него религия была вопросом не личного выбора, но делом семьи, рода, государства. Его личная вера или неверие нимало не касались религии, так как сама религия никогда не была вопросом Истины, но всего лишь признанием “существующего строя”, его законности и целесообразности. И вот от исполнения этого самоочевидного, простейшего гражданского долга и отказались христиане, и отказ оказался причиной гонения» [7]. Как для античных язычников, так и для китайских конфуцианцев вопрос трактовки Истины не был существенным. Для христиан же, исповедующих веру в Иисуса Христа, который «есть путь, и истина, и жизнь» (Ин. 14:6), поклонение любым другим богам – акт вероотступничества. Исповедуя «Царя Небесного», ранние христиане автоматически ставили себя в оппозицию власти римского цезаря, являвшегося, помимо прочего, и главой культа. Они признавали за ним право на светскую власть, но отрицали право на власть религиозную.

Эта оппозиционность прочно вошла в христианскую культуру, став одной из культурных доминант христианства. Размышляя об этом, Йозеф (Бенедикт XVI) Ратцингер писал: «Будучи христианином, человек продолжает оставаться французом или немцем, американцем или индийцем и т.д. В дохристианском мире, а также в великих культурах Индии, Китая, Японии сохраняют свое значение идентичность и нераздельность культурного субъекта. Двойная принадлежность в общем невозможна. <...> Со всей же полнотой указанный дуализм выступает только в христианстве, так что человек, став христианином, отныне живет в двух культурах – в своей исторической и в новой культуре веры» [5, с. 113-114].

Размышляя о «споре о ритуалах», большинство исследователей занимают во многом однобокую позицию, полагая, что «спор...» «был не о христианских догмах, а о некоторых обычаях китайцев, и для его разрешения требовалась, помимо теологов, помощь историков, этнологов и знатоков синологии» [14, р. 40]. Это, безусловно, так, однако подлинное осмысление «спора о ритуалах» и исчерпание сути конфликта требует также и глубокой рефлексии о сущности христианского мировоззрения. Об этом говорит и сама история «спора о ритуалах», ведь «спор» повлиял, прежде всего, на исторические судьбы католических институций, в том числе ордена иезуитов.

#### *Список источников*

1. Берзин Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1966. 324 с.
2. Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552-1775 гг.). М.: Крафт +; Институт востоковедения РАН, 2000. 256 с.
3. Коростников М. Ю. Китай и Ватикан вошли в рукоположение друг друга [Электронный ресурс]. URL: <http://kommersant.ru/doc/3106536> (дата обращения: 13.04.2018).
4. Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная литература, 2002. 446 с.
5. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Вера – Истина – Толерантность. Христианство и мировые религии / пер. с нем. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 367 с.
6. Родригес А. М. Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX-XX вв.). М.: Прометей, 2011. 224 с.
7. Шеман А. Д. Исторический путь православия [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pravmir.ru/library/book/1465> (дата обращения: 13.04.2018).
8. Cheng S. M. B. Macau: a Cultural Janus. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1999. 238 p.
9. Cheung G., Cheung T. B. Vatican reach initial accord on appointment of bishops, Hong Kong cardinal says [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/1999710/beijing-vatican-reach-initial-accord-appointment-bishops> (дата обращения: 13.04.2018).
10. Collani C. von. Charles Maigrot's role in the Chinese Rites Controversy // The Chinese Rites Controversy. Its History and Meaning. Monumenta Serica Monograph Series XXXIII / ed. by D. E. Mungello. Nettetal: Steyler Verlag, 1994. P. 149-183.
11. Criveller G. La Controverisia dei Riti Cinesi, Storia di una lunga incompresione. Museo Popolo e Culture, I quaderni del Museo 23. Milano: Centro di Cultura e Animazione Missionaria Pime, 2012. 40 p.
12. Dunne G. Generation of Giants: the Story of the Jesuits in China in the Last Decades of the Ming Dynasty. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1962. 414 p.
13. Latourette K. S. A History of Cristian Mission in China. L.: Society for Promoting Christian Knowledge, 1929. 930 p.
14. Minamiki G. The Chinese rites controversy: from its beginning to modern times. Chicago: Loyola University Press, 1985. 353 p.
15. Ripa M. Giornale (1705-1724): 2 vols / ed. by M. Fatica. Napoli: Istituto Universitario Orientale, 1996. Vol. II. 1711-1716. 413 p.

#### **“THE RITES CONTROVERSY” AS AN EXAMPLE OF CULTURAL CONFLICT OF THE EAST AND THE WEST**

**Kruglova Mariya Semenovna**

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow  
mashakruglova999@gmail.com*

The article is devoted to the so-called “rites controversy” – a long diplomatic, theological and doctrinal conflict between imperial China and the Vatican. The author makes an attempt to approach the history of the conflict in the historical perspective: after all, a similar conflict in the Sino-Vatican relations can still be observed today. It is noted that although “the rites controversy”, after centuries of unceasing scandals, found its peaceful solution, the root of the conflict has not been squandered so far, and its nature is in the incompatibility of a number of cultural paradigms typical of both the Chinese civilization and the western Christianity.

*Key words and phrases:* The Vatican; the Jesuits; “rites controversy”; missionaries; China; Confucianism.